

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Полузабытая мелодия для скрипки

Театр-Театр после возвращения Бориса Мильграма в качестве художественного руководителя снова становится «открытым театром», где работают много приглашённых режиссёров

Юлия Баталина

Первая в 2013 году премьера на большой сцене пермской «драмы» стала событием праздничным: одновременно со спектаклем презентовали театральное издание — журнал «Шкал», да и сам спектакль удался. «Венецианский купец» Шекспира — из тех редких его творений, что от времени, безусловно, устарели. Людоедский комизм для современного зрителя далеко не очевиден, а моральные оценки настолько далеки от современности, что задача расстановки акцентов и приоритетов (грубо говоря: кто хороший, а кто плохой) становится невыполнимой. А это значит, что поставить эту пьесу в наши дни практически невозможно. Тем не менее ставят и ставят!

О б этом много говорилось на вечеринке по случаю премьеры, в том числе и режиссёр-постановщик Роман Самгин рассказывал, что московские знакомые, узнав о его работе в Перми, «крутили пальцем у виска». Тем замечательнее, что Самгину удалось сделать своего «Венецианского купца» очень политкорректным, с виртуозностью опытного сёрфера обойдя все подводные камни архаичного текста. Но ещё более замечательно, что ему удалось сделать его забавным и лёгким.

Разумеется, действие происходит вовсе не в эпоху Ренессанса, а в наши дни. Место действия — конечно, никакая не Венеция и даже не Нью-Йорк, а какой-нибудь Нижний Ист-Сайд — космополитическое предместье, где селятся разнонациональные иммигранты, и у них свои «тёрки» и «разборки». О Венеции тут напоминает лишь неоновый лев святого Марка, но это, скорее всего, вывеска какого-нибудь ресторана или казино. Тем более что кроме него на сцене имеется, например, lucky cat, равномерно машущая лапой «покемонистая» игруш-

ка огромных размеров, — гипертрофированный символ современной массовой культуры Дальнего Востока. В такой обстановке экзотические Марокканский принц и Шанхайский принц смотрятся просто как представители диаспор, и нет ничего удивительного, что они оказались в реалити-шоу «Выбор жениха для Порции». Перенос во времени сложился в определённую логику, которая не напрягает, не вызывает раздражения.

Интересно было взглянуть на работу художников-постановщиков Валентины Останькович и Веры Соколовой — хотя бы потому, что первая номинировалась на «Золотую маску» за сценографию спектакля Георгия Исаакяна «Любовь к трём апельсинам». На сцене «Венецианского купца» — такое неоновое буйство и космополитическая эклектика, что трудно оценить это с точки зрения эстетики, но превращение живописного предместья в аскетичный зал суда проходит более чем наглядно.

В эту логику достойно вписываются герои пьесы. Особое достижение режиссёра — внимание к маленьким ролям, к второстепенным персонажам. Какой-

нибудь Саларино скажет в традиционной постановке две свои реплики — его и не запомнит никто. А тут причудливый персонаж из травести-шоу в исполнении пластичного Алексея Каракулова, как говорится, весь вечер на арене: для него придуман не только броский внешний облик, но и способ существования, и целая хореография.

То же касается Ланчелота Гоббо и его старика-отца, которые по воле Романа Самгина стали представителями мусульманской диаспоры. А что? Где есть иудеи и христиане, а также буддисты (наверняка Шанхайский принц к ним относится), мусульмане должны быть обязательно.

Что же касается главных героев, то тут не всё ровно. Так, образ Антонио (Олег Шапков) прочитан так невнятно, что не вызывает удивления вопрос одной наивной зрительницы, адресованной в антракте её спутнику: «А кто тут Венецианский купец?» В самом деле, его почти что нет. Его друг Бассанио, главный лирический герой, сыграл Максимом Новиковым живо и искренне, но уж больно его внешний вид не соответствует определению «мудрец и воин»: на сцене некто маленький и пухловатый, в смешных штанишках в обтяжку и нелепой розовой шапочке, которую он не снимает, даже переодевшись в строгий костюм для язвы в суд. Вот тот случай, когда хочется сказать «Не верю!» по поводу осовременивания классического персонажа.

Огромное удовольствие доставляет игра Анны Сырчиковой в роли Порции: она прекрасна в виде девушки и уморительна в роли мальчишки-законника. Благодаря её умению создать гротеско-условный, но не грубый, не нарочитый образ в спектакле появляется комический элемент, а ведь так трудно

сделать «Венецианского купца» смешным в наши дни. Вообще девушки в спектакле «рулят» — на них во многом держится вся режиссёрская конструкция, в том числе её комедийная составляющая. Именно девушки — не только Порция, но и её подруга-прислужница Нерисса (Любовь Макарова), а особенно Джессика (Ирина Мальцева), — выглядят в большой и пёстрой компании на сцене самыми сильными, умными и волевыми, куда там разноцветным и разнокалиберным мужичкам. Конечно, Порция — благое, умиротворяющее, спасительное начало, а Джессика — злобное, разрушительное, но у неё — своя правда. Ирина Мальцева играет её как настоящего, живого подростка времён сексуальной революции, стремящегося скрыться от родительского гнёта.

Наконец, Шейлок в исполнении Михаила Чуднова просто — без оговорок — прекрасен. Труднейшая роль сыграна им так человечно, что у зрителя нет желания расставлять все точки и давать определения «злодей — жертва». Он и жертва, и мстительный злодей — ну, просто как в жизни. Забавно, что Шейлок при первом появлении закутан в стильный объёмный шарф — откровенная пародия на любимый предмет гардероба Бориса Мильграма.

Отдельная история в спектакле связана с музыкой, специально написанной музыкальным руководителем театра Татьяной Виноградовой. Это изящнейшая этническая стилизация, оживляющая действие, слаживающая шероховатости, умиротворяющая зрителей. Голос скрипки (Анна Кохан) — это лирический голос народа. Символично и грустно, что Джессика по воле Романа Самгина не научилась, как мечтал её отец, играть на скрипке — отринув традиции предков, она стала виновницей трагедии. ■

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУЩИН